

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

ОТВЕРЖЕННАЯ
ЖЕНА АЛЬФЫ

Лилия Тимолаева

Отверженная жена Альфы

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Отверженная жена Альфы / Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

Он сделал меня своей женой, чтобы укрепить власть. А потом унизил перед всей стаей и отдал сердце другой. Я должна была смириться. Молчать. Исчезнуть. Но вместо этого во мне проснулась сила, из-за которой когда-то уже проливали кровь. Теперь Альфа, который называл меня ошибкой, готов сжечь весь мир ради моего возвращения. Теперь Совет боится меня сильнее, чем врагов. Теперь за мной охотятся те, кто хочет получить мою силу, мою кровь и моего ребёнка. Вот только я больше не жертва. Я — его истинная пара. Его самая опасная ошибка. И женщина, которая либо станет Луной всех стай, либо уничтожит того, кто однажды посмел меня предать.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Свадьба, которая стала казнью	5
Глава 2. Отвергнутая	15
Глава 3. Побег в ночь	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1. Свадьба, которая стала казнью

К полудню воздух в долине стал тяжёлым, как перед грозой, хотя небо над Чёрным хребтом оставалось чистым, вымытым ледяным ветром до холодной синевы. Каменный двор крепости Кайрана сиял мокрым блеском — слуги с самого рассвета лили на плиты воду, смывая пыль и кровь недавней казни, словно в доме Альфы даже праздничный день не имел права пахнуть иначе, кроме как железом, дымом и властью.

Лия стояла под аркой главного зала, и на её плечах лежал плащ из белого меха, слишком тяжёлый для невесты и слишком роскошный для женщины, которую в этом доме никто не ждал с радостью. Мех охлаждал кожу через тонкую ткань свадебного платья, будто кто-то нарочно накинул на неё не праздничный наряд, а шкуру зверя, в которую собирались завернуть жертву перед жертвоприношением.

Она не дрожала.

По крайней мере, внешне.

Пальцы её были сцеплены так крепко, что ногти врезались в ладони, но лицо оставалось спокойным. Лия давно научилась не показывать страх. В доме, где она выросла после гибели родителей, слабость пахла приманкой. Её быстро чуяли. Её наказывали.

Внизу, в огромном зале под резными балками, собиралась стая.

Шум голосов, звон кубков, тяжёлый смех воинов, шорох женских платьев — всё сливалось в единый гул, похожий на рёв далёкого прибоя. Но Лии казалось, что каждый звук направлен против неё, каждая пара глаз уже знает, что сегодняшний союз не про любовь, не про честь и даже не про мир.

Это сделка.

А она — цена.

— Выпрями спину, — тихо произнесла рядом старая служанка, поправляя край её фаты. — Даже если тебя ведут не к алтарю, а на плаху, иди так, будто сама выбрала место казни.

Лия чуть повернула голову.

Женщина не смотрела ей в глаза. На её морщинистом лице застыло привычное для крепости Кайрана выражение — смесь осторожности и усталости. Здесь все жили так, словно каждое слово могло обернуться либо милостью, либо наказанием.

— Умеее утешить, — так же тихо сказала Лия.

Уголок сухих губ старухи дрогнул.

— Я не утешаю. Я учу выживать.

Шаги за спиной раздалась прежде, чем Лия успела ответить. Тяжёлые, размеренные, не спешащие. Такие шаги не делают люди, которые в чём-то сомневаются. Такие шаги принадлежат хозяину.

По залу будто прошёл невидимый холодный порыв. Голоса внизу стихли не сразу, а волной — от дальних столов к центру, где на возвышении горел большой костёр в чаше из чёрного железа. Лия не обернулась сразу. Она знала: если повернётся слишком быстро, выдаст себя. Если слишком медленно — покажется гордой.

Поэтому она просто подняла взгляд.

Кайран остановился в нескольких шагах от неё.

Все разговоры о нём были правдой и, как оказалось, недостаточной правдой.

Он был выше, чем она представляла, шире в плечах, с тем жестоким, сдержанным телосложением, которое не требовало украшений, чтобы внушать опасность. Тёмные волосы, собранные назад, открывали резкий лоб и скулы, будто выточенные из камня. Черты лица были слишком правильными для воина и слишком жёсткими для мужчины, которому когда-либо приходилось просить. На нём не было ни золота, ни излишеств — только тёмный свадебный

камзол с серебряным шитьём по вороту и кольцо власти на пальце. Но этого было достаточно. Вся сила зала сходилась к нему, как тень к огню.

Его глаза остановились на Лии.

Не потеплели.

Не смягчились.

Взгляд Альфы скользнул по ней медленно, оценивая, как по новому оружию, которое доставили в дом: годится ли, удобно ли ляжет в руку, не придётся ли пожалеть о приобретении.

Лия выдержала этот взгляд.

Только сердце в груди ударило сильнее, как будто внутри неё кто-то рванулся вперёд — не со страхом, не с отвращением, а с каким-то странным, почти болезненным узнаванием.

Это чувство вспыхнуло и тут же погасло, оставив после себя лишь тонкую, горячую нить под кожей.

Кайран, кажется, ничего не заметил.

— Ты готова? — спросил он.

Ни приветствия. Ни имени. Ни даже вежливой лжи.

Просто вопрос человека, которому нужно завершить ритуал.

— А у меня есть выбор? — спокойно ответила Лия.

На одно короткое мгновение его взгляд стал жёстче, словно ему не понравился ни её тон, ни сам факт, что у политической невесты нашлась смелость задать встречный вопрос. Но раздражение мелькнуло и исчезло.

— Сегодня — нет, — сказал он.

Честно.

Почти грубо.

И от этой честности стало холоднее, чем от любой ласковой лжи.

Он подал ей руку.

Не как мужчина женщине, а как правитель тому, кого вводит в свой дом по необходимости. Его ладонь была горячее, сильной, сухой. Когда пальцы Лии коснулись его кожи, её пробрала короткая дрожь — резкая, тёмная, слишком глубокая для обычного волнения. Будто сама кровь узнала в этом прикосновении что-то раньше разума.

Кайран дёрнул едва заметно рукой, как если бы тоже что-то почувствовал, но тут же сжал пальцы крепче, не давая ей возможности отстраниться.

— Идём, — произнёс он.

Они спустились в зал вместе.

Десятки лиц повернулись к ним. Воинов в кольчугах, женщин в мехах и шёлке, старейшин с тяжёлыми перстнями, молодых волков с жадным любопытством во взгляде. Лия чувствовала их интерес почти физически. Не к ней самой — к событию. К тому, как именно Альфа возьмёт в дом женщину из ослабевшего рода. К тому, как долго она продержится. К тому, сколько крови принесёт этот союз.

У дальнего стола кто-то усмехнулся.

Кто-то другой что-то шепнул соседу.

Лия шла рядом с Кайраном так ровно, как только могла, не опуская головы и не замедляя шаг. Если бы она позволила себе хоть мгновение слабости, зал учуял бы это, как стая чует раненую добычу.

Они остановились у огня.

Старший жрец, высокий сухой мужчина с седыми волосами, распущенными по плечам, поднял над пламенем ритуальный нож. На его лезвии плясали красные отсветы.

— Перед ликом древней крови, перед волком и луной, перед законом стаи и волей предков, — заговорил он хриплым голосом, — Альфа Кайран, сын Тарона, берёт в дом Лию из рода Эйр, чтобы соединить власть с долгом, землю с кровью, настоящее с тем, что было утрачено.

Лия вскинула глаза.

“Тем, что было утрачено”.

Слова ударили её сильнее, чем должны были. Рода Эйр больше почти не существовало. От него осталась лишь память, которую многие предпочли бы похоронить глубже, и девушка, стоявшая сегодня у огня не по своей воле.

Жрец повернулся к Кайрану.

— Принимаешь ли ты её в свой дом и под свою защиту?

Пауза длилась всего удар сердца.

— Принимаю, — ответил Кайран.

Защита.

Слово прозвучало так, будто у него были шипы.

Жрец повернулся к Лии.

— Входишь ли ты в этот дом и подчиняешь ли свою судьбу закону стаи?

В зале стало тихо настолько, что она услышала треск смолы в факеле у стены.

Подчиняешь ли свою судьбу.

Лия медленно вдохнула.

Она могла бы сказать “нет”. Могла бы бросить это слово в огонь, в лицо старейшинам, в лицо Кайрану и всей стае. Могла бы сорвать с себя мех, развернуться и уйти, зная, что её, возможно, не отпустят дальше ворот. И всё же именно это было бы настоящим выбором.

Но выбором, который погубил бы не только её.

Род Эйр был слишком слаб, слишком одинок, слишком придавлен прошлыми потерями. Этот брак должен был стать щитом, пусть и ценой унижения. Или, по крайней мере, ей так обещали.

Лия посмотрела в огонь и услышала собственный голос:

— Вхожу.

Не “подчиняюсь”.

Просто “вхожу”.

Жрец это заметил. Кайран — тоже.

Но никто не поправил её.

Лезвие ножа скользнуло по ладони Альфы, потом по её ладони. Тёплая кровь выступила мгновенно. Жрец соединил их руки над огнём, и жар лизнул кожу вместе с болью.

В тот же миг странная тёмная волна прокатилась по телу Лии, от пальцев к горлу, к сердцу, дальше — ниже, глубже, в те места, где живёт инстинкт, а не мысль. Ей на секунду стало трудно дышать. Пространство сузилось до их сцепленных ладоней, до запаха дыма и мужской кожи, до взгляда Кайрана, который стал неожиданно внимательным.

Будто он тоже что-то ощутил.

Но жрец уже разъединил их руки и поднял окровавленный нож.

— Перед луной и кровью союз заключён.

По залу прокатился рёв одобрения.

Кто-то ударил кубком о стол. Кто-то засвистел. Музыканты у стены взяли за струны, и тяжёлая, низкая мелодия расплзлась под балками, как густой дым.

Лия опустила руку, чувствуя, как кровь тонкой струйкой скользит к запястью. На ладони жгло, но боль была терпимой. Куда сильнее жгло что-то другое — непонятное ощущение, будто ритуал задел не только кожу.

Кайран уже отвернулся к гостям.

Он поднял кубок, и зал притих снова.

— Сегодня стая получает мир, — произнёс он. Его голос был глубоким, ровным, без следа радости. — Этот союз был необходим. Пусть каждый помнит: кровь, вошедшая в мой дом, теперь принадлежит моему дому.

Не “моя жена”.

Не “Ли́я”.

Кровь.

Зал откликнулся одобрительным гулом.

Ли́я не успела даже толком осмыслить унижение, как из дальнего полукруга гостей выступила женщина в тёмно-алой ткани, обтягивающей её фигуру так, будто одежда была создана не чтобы скрывать, а чтобы подчёркивать. Её волосы, чёрные как вороново крыло, свободно падали на плечи, на губах играла медленная, почти ленивая улыбка. В ней было то опасное совершенство, которое сразу заставляет замолчать одних женщин и забыть о приличиях многих мужчин.

Селена.

Даже если бы Ли́я не слышала о ней раньше, она поняла бы сразу.

Слишком уверенно та шла к возвышению. Слишком свободно смотрела на Альфу. Слишком привычно владела вниманием зала, как хозяйка, чьё место кто-то на время занял по досадной ошибке.

Селена поднялась по ступеням, не дожидаясь приглашения, и остановилась рядом с Кайраном так близко, что это уже было ответом на все невысказанные вопросы.

— Какой торжественный день, — протянула она, не глядя на Ли́ю. Её голос был низким, бархатным, с едва уловимой насмешкой. — Мы все так ждали этого союза.

Некоторые в зале нервно усмехнулись.

Кайран не сделал ни шагу в сторону.

Не попросил её отойти.

Не напомнил при всех, кто сегодня стоит рядом с ним как жена.

Ли́я почувствовала, как по позвоночнику поднимается ледяная волна.

Селена наконец перевела на неё глаза.

В них не было ни ярости, ни ревности. Хуже. В них была спокойная уверенность женщины, которая не сомневается в своём превосходстве.

— Ты красива, — сказала она, и похвала в её устах прозвучала как приговор. — Для политического решения.

Вокруг кто-то тихо хмыкнул.

Ли́я медленно повернулась к ней.

— Благодарю, — ответила она. — Вы тоже очень уместно выглядите рядом с чужим мужем.

Тишина упала так резко, что стало слышно, как в огне лопается смола.

Селена моргнула — впервые по-настоящему удивлённо.

Потом улыбнулась шире.

— А у неё есть зубы, — негромко произнесла она, обращаясь уже к Кайрану. — Это даже забавно.

Ли́я ждала.

Всего одного слова.

Одного жеста от него.

Холодного, сдержанного, любого — но такого, который обозначил бы границу.

Кайран повернул голову к Селене, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое. Не страсть даже. Хуже. Привычность. Доверие. Та близость, которая появляется не за ночь и не в результате политической сделки.

— Не начинай, Селена, — сказал он тихо.

Не грубо.

Почти мягко.

Эта мягкость полоснула Ли́ю сильнее любого прямого унижения.

Потому что с ней он таким не был даже одно мгновение.

Пир начался сразу после ритуала.

Столы ломились от мяса, хлеба, густого вина, жареных корней и ягод в меду, но Лии казалось, что в зале пахнет только дымом, кровью и чужой насмешкой. Её посадили по правую руку от Кайрана — место Луны, хозяйки дома, женщины, делящей власть Альфы. Только сам стол, сами взгляды и сама близость Селены делали это место пустой насмешкой.

Селена села слева от него.

Как будто так и должно быть.

Как будто в этом доме для Лии существовал лишь красивый формальный стул, а всё остальное — взгляд, внимание, привычка, живая связь — уже давно принадлежало другой.

Кайран пил мало, говорил коротко, слушал старейшин, как человек, привыкший выбирать из чужих речей только полезное. Когда к нему обращались, он отвечал без лишних слов. Когда говорили с Лией, это чаще всего были фразы, вежливые настолько, что за ними слышалось презрение.

— Мы рады, что древний союз ожил, — произнёс один из старейшин, седобородый, с тяжёлым подбородком. — Хотя, признаться, я думал, род Эйр уже не способен дать что-то, кроме красивой памяти.

— Память иногда переживает силу, — спокойно ответила Лия.

— Но не всегда приносит пользу, — вставила Селена, отпивая вино. — Особенно если слишком долго цепляется за прошлое.

Лия посмотрела на неё.

— Некоторые люди тоже.

Снова тишина. Снова чьи-то скрытые усмешки.

Кайран поставил кубок на стол чуть сильнее, чем требовалось.

— Довольно.

Одно слово.

Жёсткое.

Но обращённое не к одной Селене.

К обеим.

Лия ощутила это мгновенно. Он не защищал её. Он просто не хотел скандала за столом.

Потом стало хуже.

Селена наклонилась к Кайрану, чтобы сказать ему что-то на ухо. Так близко, что её волосы скользнули по его плечу. Он ответил негромко, и Лия увидела, как уголок его рта дрогнул в той редкой тени улыбки, которую он, кажется, не умел дарить миру, но умел дарить ей.

Этой женщине.

Не жене.

Лия взяла кубок, но не отпила. Вино пахло пряностями и терпкой кислинкой, и внезапно к горлу подступила тошнота. Не от напитка — от унижения, которое растекалось по ней медленно, умно, методично. Как будто кто-то хотел не просто ранить её, а при всех показать: смотри, здесь ты лишняя. Даже в день, когда на тебе брачная кровь.

— Ты слишком молчалива, — заметила Селена чуть позже, повернувшись к ней. — Разве не должна счастливая невеста сиять?

— Сияют те, кому есть чем, — ответила Лия.

— Или те, кого любят, — лениво уточнила Селена.

Под столом пальцы Лии сжались в кулак.

Она не посмотрела на Кайрана. Не хотела видеть, что он сделает. Или не сделает.

— Иногда любовь переоценивают, — сказала она. — Особенно те, кто существует рядом с мужчиной, но не носит его имя.

Селена засмеялась.

Красиво. Мягко. Почти ласково.

— Бедная девочка. Ты правда думаешь, что имя что-то решает?

Тут Кайран всё же повернулся.

Но не к Селене.

К Лии.

— Ты устала, — произнёс он тем тоном, которым отдают распоряжения. — На сегодня достаточно.

Она встретилась с его взглядом и поняла: он удаляет её не ради заботы. Ради удобства. Чтобы не мешала. Чтобы пир дальше шёл в привычном для него русле.

— Как скажешь, — ответила Лия.

И поднялась.

В зале стало слишком тихо для обычного движения женщины от стола. Все смотрели. Не на то, как уходит невеста. На то, как уходит проигравшая.

Селена не скрывала улыбки.

Лия шла между столами с прямой спиной. Не быстро. Не медленно. Ни разу не обернувшись. Но внутри неё всё обрывалось с каждым шагом. Надежда, с которой она входила в этот дом, пусть маленькая, жалкая, почти постыдная — надежда хотя бы на уважение — умирала так тихо, что окружающие не слышали, зато она слышала прекрасно.

В покои её проводили молча.

Комната, подготовленная для брачной ночи, была большой, тёплой, отделанной тёмным деревом и украшенной серебряными подсвечниками. На широкой постели лежали белые покрывала, слишком чистые для места, где должно было начаться что-то совместное. В камине горел огонь. На столике стоял кувшин с вином и чаша с фруктами. Всё было приготовлено для начала новой жизни.

Лия остановилась посреди комнаты и медленно сняла меховой плащ.

Он соскользнул на пол тяжёлой белой грудой.

Как сброшенная шкура.

Служанка, вошедшая следом, хотела помочь ей распустить волосы, но Лия остановила её взглядом.

— Оставь.

Та молча поклонилась и вышла.

Оставшись одна, Лия подошла к зеркалу.

Из серебристой глубины на неё смотрела девушка с упрямо поднятым подбородком, слишком бледная, слишком спокойная, почти чужая. На виске выбилась прядь. На ладони, там, где жрец резал кожу, запеклась тонкая тёмная линия.

Лия прижала пальцы к ране.

Боль была настоящей. Она даже радовала — потому что была простой. Понятной.

Не такой, как всё остальное.

Время шло медленно.

За дверьми ещё долго слышались приглушённые голоса, шаги, смех из дальних коридоров. Потом крепость постепенно стихла. Огонь в камине осел. Тени вытянулись по стенам.

Кайран пришёл, когда Лия уже перестала ждать.

Он не постучал.

Просто вошёл.

На нём не было свадебного камзола — только тёмная рубашка, расстёгнутая у горла, и чёрные штаны. Он выглядел так, словно не с пира вернулся, а с совета или с охоты: собранный, усталый, отстранённый. Только запах вина и дыма цеплялся за него сильнее обычного.

Лия стояла у окна.

Не обернулась сразу. Смотрела на чёрный двор, на сторожевые огни, на зубцы стен, за которыми в ночи лежал лес.

— Долго, — сказала она.

Кайран закрыл дверь.

— У Альфы много обязанностей.

— Особенно в брачную ночь?

Он подошёл ближе, и в оконном стекле отразилась его высокая тень.

— Не советую начинать с упрёков.

Лия медленно повернулась.

— А с чего мне начать? С благодарности? С восхищения тем, как искусно меня унизили при всей стае?

Его лицо не дрогнуло.

— Ты в моём доме один день. Запомни простую вещь, Лия. Здесь тебе придётся выбирать слова осторожнее.

— Мне уже пришлось выбрать слишком многое без права отказаться.

— Тебя никто не тащил к огню силой.

Она смотрела на него несколько секунд, не веря, что услышала это.

— Нет, — тихо сказала она. — Всего лишь поставили перед выбором, после которого выбора не остаётся.

Что-то опасное мелькнуло в его взгляде. Не раскаяние. Не смущение. Раздражение мужчины, который не любит, когда ему показывают зеркало.

Он сделал ещё шаг.

— Этот союз был нужен, — произнёс Кайран. — Не только мне. Твоему роду тоже.

— Значит, мы квиты? — спросила Лия. — Ты получил удобный мир, я — холодную постель и место рядом с мужчиной, который даже не пытается скрыть, что любит другую.

Тишина натянулась между ними.

Лицо Кайрана стало жёстче.

— Любовь не имеет отношения к этому браку.

— Я уже заметила.

— Хорошо. Тогда тебе будет легче понять, что именно я скажу дальше.

Он остановился так близко, что между ними осталось меньше шага. Лия почувствовала исходящее от него тепло, тяжёлый мужской запах, силу, от которой у любой другой, возможно, ослабели бы колени. Но вместе с этим она чувствовала и сталь — ту внутреннюю, опасную холодность, которая делала его по-настоящему страшным.

— Ты вошла в мой дом как политическая жена, — сказал он. — Я дал тебе имя, защиту и положение. Этого достаточно. Не требуй того, чего между нами не будет.

Лия не сразу ответила.

Слишком спокойно прозвучали его слова.

Слишком выверенно.

Будто он уже много раз произносил нечто подобное — про себя или вслух — и давно всё решил за них обоих.

— И чего же между нами не будет? — спросила она.

Кайран смотрел на неё не мигая.

— Уважения на тех условиях, которые ты себе придумала. Близости по твоему праву. И, тем более, любви.

Каждое слово било точно.

Лия почувствовала, как что-то внутри неё сначала сжимается, потом становится опасно тихим.

— Тогда зачем ты здесь? — спросила она.

На мгновение его взгляд скользнул по её лицу, по линии шеи, по распущенным волосам. Это было не нежно. Не мягко. Это был взгляд мужчины, который замечает женщину и при этом сознательно выбирает жёсткость.

— Потому что этот брак должен быть завершён, — ответил он.

Лия поняла.

И именно это понимание оказалось самым унижительным.

Не она.

Не ночь.

Не начало.

Не мужчина и женщина.

Завершение сделки.

Она вскинула подбородок выше.

— А если я откажусь?

Впервые в его глазах что-то вспыхнуло по-настоящему.

Не гнев ещё. Но предупреждение.

— Не откажешься.

— Ты так уверен?

Он поднял руку и вдруг коснулся пряди её волос, выбившейся на плечо. Пальцы его были неожиданно осторожны, почти медленны, но от этого жеста по телу Лии снова прошла странная дрожь — куда глубже простой неприязни. Как будто сама кожа предавала её, узнавая в этом мужчине то, что разум не хотел принимать.

Кайран, кажется, тоже это почувствовал. Его пальцы замерли на миг дольше, чем следовало.

Потом он резко убрал руку.

— Не испытывай меня в первый же вечер, Лия.

— А ты не испытывай моё терпение, — ответила она почти шёпотом. — Ты можешь сделать меня женой по закону. Но не заставишь стать тенью у твоего трона.

Его ноздри чуть дрогнули.

Опасно.

Будто внутри него шевельнулся зверь.

— Ты плохо понимаешь, куда попала.

— Нет, — сказала Лия. — Боюсь, я слишком хорошо это поняла.

Они стояли так близко, что воздух между ними уже нельзя было назвать пустым. Он был натянут, насыщен жаром, злостью, скрытым притяжением, чем-то тёмным и слишком сильным для первой ночи двух чужих людей.

Кайран резко развернулся, отошёл к столу, налил себе вина и выпил одним глотком.

— Тогда усвой ещё одну вещь, — сказал он, не оборачиваясь. — В этом доме никто не будет обсуждать Селену. Особенно ты.

Лия медленно вдохнула.

Вот оно.

Имя, которое всё определяло.

— Почему? — спросила она. — Потому что ей позволено больше, чем твоей жене?

Он поставил кубок с сухим стуком.

— Потому что я так сказал.

Лия горько улыбнулась.

— Какая удобная форма правды.

Кайран обернулся.

— Тебе позволено жить здесь спокойно, пока ты понимаешь своё место.

— Моё место? — повторила она. — Сегодня мне показали его предельно ясно. По правую руку от тебя — для вида. По-настоящему рядом с тобой — она.

Его челюсть сжалась.

— Осторожнее.

— С чем? С правдой?

Он подошёл к ней стремительно, так быстро, что она не успела отступить. В следующий миг Лия уже чувствовала спиной холод дерева у стены, а его ладонь легла рядом с её головой, отрезая путь в сторону. Он не касался её телом, не прижимал, но в этом и не было нужды. От него исходила такая концентрированная сила, что пространство вокруг сужалось до тяжёлого мужского дыхания, жара и хищной тишины.

— Ты забываешься, — произнёс он низко.

Лия подняла на него глаза.

Страх был. Конечно, был.

Но поверх страха поднималось другое — злость, достоинство, странное, безрассудное желание не отвести взгляд первой.

— Нет, Альфа, — так же тихо ответила она. — Это ты хотел, чтобы я всё забыла. Кто я. Что слышала. Что видела сегодня.

Его глаза потемнели.

Лия не знала, что он сделает в следующую секунду — уйдёт, ударит словами, поцелует из ярости, сломает её сопротивление одним движением. От этой неизвестности у неё перехватило дыхание.

Но Кайран лишь медленно отвёл руку от стены и отступил на шаг.

— Ты слишком гордая для женщины, вошедшей в дом по милости, — сказал он.

— А ты слишком жесток для мужчины, который зовёт это милостью.

Они снова замолчали.

Пламя в камине глухо щёлкнуло.

За окном завыл ветер.

Кайран смотрел на неё долго, почти странно. Так, будто видел перед собой уже не только политическую обязанность, но что-то ещё — раздражающее, опасное, неуместно живое.

— Мне не нужна покорность, — произнёс он наконец. — Мне нужна предсказуемость.

— Тогда ты выбрал не ту женщину.

И снова — эта почти невидимая искра в его взгляде. На этот раз не только злость. Что-то темнее. Глубже. Почти интерес.

Он медленно провёл взглядом по её лицу.

— Посмотрим.

Лия не сразу поняла, что дышит слишком часто.

Сердце билось больно, неровно, будто её тело отвечало не на смысл разговора, а на близость мужчины, который только что втоптывал её достоинство в пол. Это было унижительно. Неправильно. Непростительно. И всё же под кожей снова тлела та самая странная горячая нить, возникшая у огня.

Как будто что-то внутри неё не спрашивало позволения.

Кайран сделал ещё шаг ближе.

Теперь он стоял прямо перед ней, и в этой близости не было ни нежности, ни обещания. Только напряжение, которое могло в любой момент стать чем угодно — новой ссорой, поцелуем, приказом, войной.

— Сними фату, — тихо сказал он.

Лия замерла.

Она могла подчиниться сразу.

Могла отказать снова.

Но что-то в его голосе заставило её медленно поднять руки к волосам. Пальцы дрогнули, распуская крепления. Тонкая ткань скользнула вниз, задела плечи и упала к её ногам.

Кайран смотрел, не двигаясь.

Его взгляд стал тяжелее.

Почти голоднее.

Но в нём всё ещё не было того, чего она боялась и одновременно — ненавидя себя — ждала увидеть. Не было нежности. Не было признания. Только мужское, тёмное внимание, которое вспыхивает даже там, где сердце молчит.

— Вот так, — произнёс он.

Словно проверял, умеет ли она подчиняться.

Лия почувствовала, как к горлу подступает ярость.

— Ты получил, что хотел? — спросила она.

— Пока нет.

Эти два слова прозвучали низко, опасно.

И в тот же миг, прежде чем разум успел понять, что происходит, тело Лии пронзило внезапным жаром. Резким, почти обжигающим. Он родился где-то под рёбрами, скользнул вверх, ударил в грудь, в горло, в запястья. Она невольно вздрогнула и прижала ладонь к ключице.

Кайран мгновенно это заметил.

— Что с тобой?

Лия не ответила. Не могла.

Жар становился сильнее. Не такой, как от смущения или страха. Это было что-то иное — древнее, дикое, чужое и при этом страшно родное. Ей казалось, будто под кожей расходятся невидимые нити света, как трещины по льду, только не холодные, а огненные.

Она опустила взгляд.

И увидела.

У основания шеи, чуть ниже ключицы, прямо на бледной коже медленно проступал тонкий серебристый узор. Сначала — как отблеск. Потом — ярче. Линия, похожая на лунный серп, от которого расходились едва заметные ветви, словно сплетение древних корней или вен из света.

Метка.

Лия замерла, не веря глазам.

Воздух застрял в груди.

В комнате стало так тихо, будто сам дом затаил дыхание.

Кайран шагнул ближе, но её волосы, рассыпавшиеся по плечам, всё ещё скрывали часть шеи. Его взгляд был прикован к её лицу — он заметил её дрожь, заметил растерянность, но ещё не видел самого знака.

— Лия, — произнёс он уже жёстче. — Что это?

Она подняла на него глаза.

Серебряный узор под кожей пульсировал вместе с сердцем.

И в эту секунду Лия поняла только одно:

что бы ни происходило сейчас с её телом, эта ночь только что стала куда опаснее, чем просто брачная ночь с мужчиной, который её не любит.

А Кайран всё ещё не видел, что именно вспыхнуло на её коже.

Глава 2. Отвергнутая

Лия не успела ответить.

В следующее мгновение жар под кожей вспыхнул ещё сильнее, и серебристый узор у ключицы будто дрогнул, разрастаясь тонкими световыми ветвями по бледной коже. Ей показалось, что комната качнулась. Воздух стал густым, как расплавленный воск, и каждый вдох обжигал изнутри.

Кайран шагнул к ней резко, уже без прежней холодной отстранённости.

— Сядь.

Это прозвучало как приказ. Жёстко. Коротко.

Лия качнула головой.

— Не трогай меня.

Но голос подвёл — вышел тише, хриплее, чем она хотела. Слишком уязвимо.

Кайран смотрел на неё не так, как раньше. Не как на женщину, которая рискнула ему перечесть. И не как на политическую обязанность, которую нужно дотерпеть до утра. Теперь в его взгляде была настороженность зверя, почуявшего в темноте что-то незнакомое.

— Я спросил, что это, — произнёс он.

Лия инстинктивно прикрыла шею ладонью.

Серебряный рисунок жёг кожу так, будто его вырезали прямо на теле раскалённым лезвием. От прикосновения стало только хуже. Она зажмурилась на секунду, стараясь поймать равновесие, не показать слабость. Только не перед ним. Только не сейчас.

— Я не знаю, — выдохнула она.

И это была правда.

Кайран сделал ещё шаг. Теперь между ними почти не осталось воздуха. Его пальцы обхватили её запястье — крепко, но уже не грубо. Он отнял её руку от шеи, прежде чем она успела воспротивиться, и отбросил пряди волос ей за плечо.

Тишина ударила по комнате сильнее любого крика.

Кайран увидел метку.

Лия почувствовала, как его пальцы на её запястье непроизвольно сжались сильнее. Не до боли — до шока. Его лицо осталось почти неподвижным, но в глазах впервые за весь день что-то по-настоящему сломалось: неуязвимая уверенность, спокойный контроль, заранее решённая схема этого брака.

Он смотрел на серебряный серп у её ключицы так, словно видел призрака.

— Этого не может быть, — произнёс Кайран очень тихо.

Лия резко вырвала руку.

— Тогда не смотри так, будто это моя вина.

Он перевёл взгляд на её лицо.

— Откуда у тебя этот знак?

— Я же сказала — не знаю.

— Не лги.

— А ты не приказывай мне так, будто я твоя вещь!

Слова сорвались слишком быстро, слишком яростно. Но отступить было поздно.

Кайран молчал всего секунду, и всё же эта секунда показалась длиннее целой ночи. Затем он медленно выпрямился. Лицо его снова стало жёстким. Собранным. Закрытым.

Слишком быстро.

Это испугало Лию больше, чем его прежняя растерянность.

— Никому не показывай этот знак, — сказал он.

— Почему?

— Потому что я сказал.

Она зло усмехнулась, хотя у самой подкашивались колени.

— Это твой любимый ответ на всё, что неудобно?

Он даже не моргнул.

— Это ответ, который сохраняет людям жизнь.

Лия смотрела на него, не понимая до конца, что именно слышит. Предупреждение? Заботу? Угрозу?

Кайран шагнул к двери.

— До рассвета никто не должен видеть тебя. Останешься здесь.

— Ты уходишь?

Он остановился, не оборачиваясь.

— Сейчас — да.

— Чтобы вернуться к ней?

Это было жестоко. Намеренно. Глупо.

Но Лия слишком устала от унижения, чтобы беречь чужое спокойствие.

Плечи Кайрана едва заметно напряглись.

— Следи за тем, что говоришь.

— А ты следи за тем, что делаешь, Альфа. У тебя это выходит гораздо хуже.

Он медленно повернул голову. В полумраке комнаты его лицо стало почти хищным — резкие скулы, тень под глазами, злость, стиснутая слишком глубоко, чтобы вылиться сразу.

— Завтра ты поймёшь, — произнёс Кайран, — что сегодняшняя ночь была для тебя самой лёгкой частью этого дома.

И вышел.

Дверь закрылась за ним без хлопка. Но звук всё равно ударил по Лии, как пощёчина.

Она осталась одна среди затухающего огня, запаха вина, белых покрывал и тлеющей на коже тайны, о которой не просила.

Серебряная метка пульсировала ещё несколько минут, потом начала медленно бледнеть, будто уходила под кожу, прячась до времени. Жар ослаб, но не исчез совсем. Вместо него осталось тянущее ощущение глубоко внутри — как натянутая нить, которую нельзя разорвать и невозможно игнорировать.

Лия опустила на край постели и только тогда поняла, что дрожит.

Не от страха. Не только от него.

От всего сразу.

От взгляда Кайрана. От того, как изменилось его лицо, когда он увидел знак. От страшной мысли, что дело вовсе не в брачной ночи и не в унижении за праздничным столом, а в чём-то куда более древнем и опасном. В чём-то, о чём ей не рассказывали. О чём, возможно, молчали всю её жизнь.

Она просидела так до рассвета, не раздеваясь, прислушиваясь к шорохам за дверью и к собственному сердцу, которое никак не желало биться ровно.

Утро пришло серым и ветреным.

В крепости просыпались рано, и дом Альфы оживал не мягко, а сразу: шаги, окрики, лязг оружия во дворе, хлопанье ставен, лай сторожевых псов. Но в покои Лии никто не входил.

Это было ещё одним оскорблением.

Её не ждали к завтраку. Её не звали как хозяйку дома. Её словно специально оставили в подвешенном состоянии — не признанную, не принятую, не объявленную ничем.

К полудню в дверь наконец постучали.

На пороге стояла та самая старая служанка, которая вчера поправляла ей фату. В её руках было простое тёмное платье вместо свадебного и шерстяной плащ без знаков дома.

— Тебя ждут во дворе, — сказала она.

Лия нахмурилась.

— Кто?

Старуха отвела взгляд.

— Все.

Этого ответа оказалось достаточно, чтобы холод пробежал по спине.

— По какому поводу?

— В доме Альфы редко собирают стаю без повода, который пахнет кровью или позором, — тихо произнесла служанка. — Сегодня, похоже, второе.

Лия ничего не сказала.

Она переоделась молча. Свадебное платье осталось лежать на постели белым упрёком. Простое тёмное сукно сидело на ней гораздо честнее: без иллюзий, без ложной торжественности, без обещаний, которых никто не собирался выполнять. Волосы Лия заплела сама и нарочно высоко подняла воротник, скрывая место у ключицы. Серебряный знак исчез с поверхности кожи, но память о нём жгла сильнее, чем если бы он всё ещё сиял.

Когда она вышла из покоев, коридоры показались ей другими.

Вчера они вели невесту.

Сегодня — вели приговорённую.

Во дворе уже собралась стая.

Холодный ветер метался между башнями, рвал меховые плащи, шевелил тёмные пряди, бил в лица сыростью далёких скал. На мокрых плитах полукругом стояли воины, женщины, слуги, старейшины. Слишком много людей для простого утреннего совета. Слишком много жадных взглядов для обычного объявления.

На каменном возвышении у ступеней дома стоял Кайран.

В тёмной одежде, с мечом у бедра, он выглядел так, будто ночь не сломала в нём ничего. Будто всё, что случилось между ними в комнате, осталось только в памяти Лии. Будто его лицо не менялось при виде серебряной метки. Будто он снова вернулся к своему любимому состоянию — власти без трещин.

Слева от него стояли старейшины.

Справа — Селена.

И именно это Лия заметила первым делом.

Не потому, что ожидала иного. Потому что это было слишком демонстративно. Слишком выверенно. Женщина в чёрно-алой ткани, с распущенными волосами и улыбкой, похожей на тонкий надрез, стояла рядом с Альфой так уверенно, словно место хозяйки двора принадлежало ей давно и окончательно.

Лия медленно спустилась по ступеням.

Разговоры стихали один за другим, как если бы сам двор втягивал воздух.

Она остановилась внизу и подняла голову.

— Мне кто-нибудь объяснит, зачем меня сюда привели? — спросила она спокойно.

Селена улыбнулась первой.

— Как быстро ты научилась задавать вопросы в доме, где тебе ещё не ответили, кто ты такая.

Лия перевела на неё взгляд.

— Похоже, ты отвечаешь за всё, что связано с моей жизнью? Или только за то, чтобы стоять рядом с чужим мужем так, будто это твой законный долг?

По двору прошёл шорох.

Некоторые женщины опустили глаза. Молодые воины напряглись, почуяв скандал. Старейшины остались неподвижны — молчаливые каменные лица с глазами, в которых уже давно поселилась привычка смотреть, как кого-то ломают.

Селена не потеряла улыбки.

— Смелость у тебя почти трогательная, — проговорила она мягко. — Особенно для женщины, за которой не стоит ни золота, ни армии, ни приданого, ни настоящей силы.

— И всё же ты тратишь на меня слишком много внимания, — ответила Лия.

Селена медленно спустилась с возвышения на одну ступень.

— Потому что ты вошла туда, куда не должна была входить.

— В дом мужа?

— В место, которое тебе не удержать.

Лия слышала, как ветер треплет края её плаща. Слышала, как где-то на стене звякнула цепь. Но сильнее всего она слышала молчание Кайрана.

Он не останавливал Селену.

Не прерывал её.

Не давал понять, где проходит черта.

И тогда Лия поняла: то, что должно случиться сейчас, уже решено. Не на глазах стаи — заранее. Её просто вывели во двор, чтобы опозорить публично.

— Если есть обвинение, — сказала она, не сводя глаз с Кайрана, — пусть его назовут вслух. Или здесь привыкли казнить словами без причины?

Один из старейшин, сухой, с обвисшими веками и крючковатыми пальцами, подался вперёд.

— Причина есть всегда, когда речь идёт о безопасности стаи.

Лия перевела взгляд на него.

— Тогда назовите её.

Старик помедлил. Ей показалось, он ожидал увидеть испуг, мольбу, унижение. Но не увидел ничего, кроме ледяной прямооты.

Это, кажется, рассердило его сильнее.

— Ночь после заключения союза должна была подтвердить принятие тебя домом Альфы, — произнёс он. — Но этого не произошло.

Лия медленно повернулась к Кайрану.

Он смотрел на неё. Холодно. Непроницаемо.

— Значит, теперь моя судьба обсуждается всем двором, потому что ты не смог закончить то, что сам назвал сделкой? — спросила она.

По рядам снова прокатилась волна приглушённого шёпота.

Глаза Кайрана потемнели.

— Осторожнее, Лия.

— С чем? С правдой? Она сегодня почему-то всем мешает.

Селена засмеялась негромко.

— О, нет. Правда как раз очень удобна. Правда в том, что дом не принял тебя. Стая не приняла тебя. А Альфа... — она сделала короткую паузу, смакуя каждое слово, — ...не увидел в тебе свою Луну.

Во дворе стало совсем тихо.

Лия почувствовала, как поднимается жар — не тот, ночной, связанный с меткой, а обычный, человеческий: гнев, стыд, унижение. Ей хотелось броситься на Селену, сорвать с её лица эту медленную красивую улыбку, но она лишь расправила плечи.

— И это говоришь ты? Женщина без имени в его доме?

Селена перестала улыбаться.

Всего на мгновение.

Потом подошла ближе, и между ними осталось два шага.

— Я говорю это как та, кого здесь знают. Кого уважают. Чей голос что-то значит. А ты пока не более чем пустой договор с мёртвым родом, который давно ничего не может дать.

Лия услышала чей-то одобрителный смешок.

Не из первых рядов. Из толпы.

Стая уже выбрала сторону.

— Довольно, — сказал Кайран.

Но этого “довольно” снова оказалось недостаточно. Слишком поздно. Слишком мягко для того, кто действительно хотел защитить.

Селена повернулась к нему плавно, как хищница.

— Нет, Кайран. Не довольно. Ты знаешь, что старейшины правы. Дом не принимает слабость. Народ не принимает пустое место рядом с Альфой. Им нужна Луна, за которой есть сила. Кровь. влияние. А не девушка, которую ты привёл ради старого соглашения.

Лия не отводила взгляда от Кайрана.

Вот сейчас, подумала она.

Сейчас он это остановит.

Сейчас хотя бы раз выберет не удобство, а справедливость.

Но Кайран медлил.

Эта пауза длилась всего несколько ударов сердца — и именно в ней всё было решено.

Один из старейшин выступил вперёд.

— Пока положение новой жены не подтверждено и пока дом не признал в ней будущую Луну, совет считает разумным отстранить Лию из рода Эйр от всех прав хозяйки крепости, от участия в ритуалах стаи и от доступа к внутреннему кругу власти.

Несколько женщин за спинами старейшин переглянулись с жадным блеском в глазах.

Лия даже не сразу ощутила боль.

Сначала — только странную пустоту. Как если бы слова не долетели до неё, а повисли где-то в холодном воздухе.

— Отстранить? — переспросила она.

Голос её прозвучал удивительно ровно.

Старейшина кивнул.

— До тех пор, пока Альфа не решит иначе.

Лия всё ещё смотрела только на Кайрана.

— Это решение совета? — спросила она. — Или твоё?

Он не ответил сразу.

Ветер шевельнул его тёмные волосы. На скулах напряглись мышцы. Лия вдруг ясно увидела: он понимает, что делает. Понимает цену этого молчания. И всё равно выбирает его.

Потому что так проще.

Потому что Селена права в том, в чём она страшнее всего: стая не любит слабых, сомнительных, чужих. А Лия сейчас — именно такая в их глазах.

— Это временная мера, — наконец сказал Кайран.

И этим убил в ней последнее, что ещё оставалось живым с вчерашней ночи.

Не вера в любовь — её и не было.

Вера в то, что он хотя бы не станет ломать её перед всеми.

Лия медленно кивнула.

— Понятно.

Селена смотрела на неё с почти ласковой жалостью.

— Тебе стоило понять это ещё вчера.

И вот тогда Лия сделала то, чего от неё никто не ожидал.

Она улыбнулась.

Не широко. Не радостно. Холодно.

— Нет, — сказала она Селене. — Это тебе стоило понять кое-что ещё до моего прихода. Жену можно унижить. Можно отстранить. Можно выставить лишней. Но если для победы тебе

нужно было целое собрание стариков и молчание мужчины, который побоялся сказать правду мне в лицо, значит, ты слабее, чем я думала.

По толпе прокатился шёпот.

Селена застыла.

Её глаза вспыхнули яростью, скрытой под тонким слоем самообладания.

— Следи за языком, — прошипела она.

— Или что? — тихо спросила Лия. — Отнимешь у меня ещё и воздух?

— Хватит! — рявкнул Кайран.

Теперь его голос действительно ударил по двору.

Воины мгновенно выпрямились. Даже ветер будто на секунду стих.

Кайран спустился с возвышения вниз.

Остановился напротив Лии.

Она чувствовала его силу почти физически — как давление грозы, как приближение зверя. Но и теперь не отступила. Даже когда между ними остался один шаг.

— С этого момента, — произнёс он так, чтобы слышали все, — Лия остаётся под защитой моего дома, но не имеет права носить знаки будущей Луны, участвовать в советах и говорить от имени стаи до моего отдельного решения.

Каждое слово вонзалось медленно.

Защита без признания.

Жена без статуса.

Живая насмешка.

Лия подняла голову.

— Ты мог сказать это мне ночью, — сказала она едва слышно. — Без свидетелей.

— Ночью было не время.

— Конечно. Ты был слишком занят тем, чтобы решать, сколько во мне можно оставить достоинства.

В его глазах вспыхнула ярость.

Сильная.

Настоящая.

Но не за то, что он сделал. За то, что она произнесла это вслух.

— Уведи её, — бросил он одному из стражей.

Лия отшатнулась не от стража — от самого приказа.

— Не смей.

Возможно, именно эти слова стали последней каплей. Возможно, решение уже было принято ещё раньше. Но в следующую секунду Селена подошла ближе и, делая вид, что хочет поправить край плаща на плече Лии, наклонилась к ней так, что их лица разделяло только дыхание.

Улыбка на губах Селены была красивой.

Глаза — ледяными.

— Ты думаешь, унижение — это худшее, что с тобой случится здесь? — прошептала она так тихо, что слышала только Лия. — Какая наивность.

Пальцы Селены скользнули по вороту её платья.

Как будто случайно.

Но Лия в ту же секунду почувствовала резкий укол у основания шеи.

Слишком тонкий для иглы.

Слишком быстрый, чтобы кто-то заметил.

Она дёрнулась назад.

Селена уже отступила, придавая лицу выражение невинного удивления.

— Что с тобой? — спросила она вслух, почти заботливо.

Лия открыла рот, чтобы ответить, но мир вдруг качнулся.

Воздух стал вязким.

Каменные плиты под ногами поплыли.

Она инстинктивно схватилась за край собственного плаща, чувствуя, как где-то под кожей снова просыпается вчерашний жар, только теперь в него вплетается что-то чужое — тёмное, удушающее, как яд.

— Лия? — голос Кайрана донёлся будто издали.

Она подняла голову.

Лица вокруг расплывались.

Старейшины — тёмные пятна.

Селена — алое пятно с блестящими глазами.

Кайран шагнул к ней, и это было последнее чёткое движение, которое она увидела.

Потом всё сорвалось.

Она не помнила, как оказалась за пределами двора.

Может, она сама бросилась бежать. Может, вырвалась из чьих-то рук. Может, кто-то намеренно вытолкнул её из этого круга взглядов и унижения прямо в узкий боковой проход между стеной крепости и хозяйственными строениями. В памяти остались только обрывки — холодный воздух, удар плечом о камень, вкус железа на языке, собственное сбившееся дыхание.

Её мутило.

Сердце билось так, словно пыталось вырваться из груди.

Лия шла, цепляясь ладонью за влажную стену, стараясь понять, где верх, где низ, где безопасно, а где нет. Всё внутри неё кричало, что надо спрятаться, дойти до своей комнаты, закрыться, выждать. Но ноги уже не слушались как следует.

Позади послышались шаги.

Не один человек.

Двое. Может, трое.

Лия резко обернулась.

Мир перед глазами двоился, но она всё же различила тёмные фигуры в узком проходе. Мужчины. В плащах без опознавательных знаков. Лица скрыты капюшонами.

— Кто вы? — спросила она.

Глупый вопрос.

Один из них усмехнулся.

— Тише, госпожа. Вам и так сегодня досталось.

Голос был глухой. Нарочно приглушённый.

Лия попятилась.

Второй уже заходил сбоку, отрезая ей путь назад.

— Не подходите.

Первый поднял руки в примиряющем жесте.

— Мы всего лишь хотим помочь.

— Лжёшь.

Она развернулась и попыталась бежать.

Первый шаг вышел неровным. Второй — почти удачным. На третьем ноги окончательно подвели. Мир провалился куда-то вбок, и Лия с трудом удержалась, врезавшись ладонью в стену. Боль пронзила запястье, но сознание это уже почти не удержало.

Они были рядом.

Слишком быстро.

Одна рука сжала её локоть.

Другая — рот.

Лия рванулась со всей силой, что оставалась. Укусила ладонь, услышала сдавленное ругательство, ударила каблуком по чьей-то голени. На мгновение её отпустили, и этого хватило, чтобы она вдохнула и закричала.

Крик вышел хриплым, ломким.

Но всё же вышел.

— Держи её! — прошипел кто-то.

Лия снова рванулась. В голове гудело. Перед глазами вспыхивали белые пятна. Она ударила нападавшего в лицо, почувствовала под пальцами ткань капюшона, кожу, скулу. Тот зашипел, перехватил её запястья и с силой впечатал в стену.

Из лёгких вышибло воздух.

— Проклятье, она ещё сильнее, чем говорили, — бросил другой.

— Быстрее, пока не пришли люди Альфы.

Слова пробились сквозь туман.

Не «если».

«Пока».

Значит, они знали, где она будет. Ждали. Следили.

Лия из последних сил дёрнулась головой и врезалась лбом в чужой подбородок. Мужчина выругался. Хватка ослабла. Она почти вырвалась — почти.

Что-то острое полоснуло по ребру.

Не глубокий удар. Скользящий.

Но боли хватило, чтобы тело на секунду предало её окончательно.

Третий нападавший появился справа. В руке блеснуло короткое лезвие.

Лия увидела его слишком поздно.

Она инстинктивно прикрылась рукой, и лезвие скользнуло по предплечью, вспарывая ткань. Горячая боль вспыхнула ярко, чисто, почти отрезвляюще. Кровь пошла сразу.

— Нет! — рявкнул один из них. — Не убивать здесь!

— Мне плевать, если она всё вспомнит!

Слова ударили сильнее ножа.

Лия подняла голову.

В тумане, боли и страхе именно эта фраза прорезала всё остальное.

Вспомнит?

Что именно?

Она попыталась сосредоточиться на голосе, на лице, на движении губ, но мир уже разваливался на куски.

Нападавший, державший её, перехватил крепче. Кто-то сзади ударил её по затылку или шее — не слишком сильно, ровно настолько, чтобы добить остатки сознания.

Колени подогнулись.

Камень рванулся навстречу.

Перед тем как тьма сомкнулась, Лия услышала над самым ухом торопливый, злой шёпот:

— Она не должна вспомнить, кто она.

Глава 3. Побег в ночь

Боль вернулась раньше света.

Она пришла не вспышкой, а медленно, как холодная вода, просачивающаяся под кожу: сначала в затылок, потом в плечо, в рассечённое предплечье, в бок, куда скользнуло лезвие, в горло, где до сих пор стоял вкус чужой ладони и железа. Лия застонала, но звук вышел едва слышным, вязким, будто рот был набит пеплом.

Под ней было что-то жёсткое, застеленное шерстью.

Где-то рядом потрескивал огонь.

Запах был не крепостной — не камень, не сырость коридоров, не смола факелов, не сталь. Здесь пахло сушёными травами, горьким корнем, старым дымом, мокрой древесиной и чем-то ещё — тёплым, диким, лесным. Не домом Альфы.

Лия заставила себя разлепить веки.

Потолок над ней был низкий, бревенчатый, закопчённый от времени. В углу висели пучки трав, возле стены стояли глиняные сосуды, на широком столе лежали ножи для разделки корней и деревянные ступки. Окно было маленьким, затянутым мутной плёнкой, и в него сочился тусклый вечерний свет. Не день. Не полдень. Значит, она провалялась без сознания долго.

Лия резко попыталась подняться.

Боль полоснула так сильно, что в глазах потемнело.

— Лежи, если не хочешь снова рухнуть, — произнёс сухой женский голос.

Лия дёрнулась и повернула голову.

У очага сидела старуха.

Не та служанка из крепости. Другая.

Эта была тоньше, выше, старше — из тех женщин, которых возраст не сгибает до конца, а делает похожими на корень древнего дерева: узловатый, крепкий, невыносимо живучий. Седые волосы были заплетены в тугую косу и перекинута через плечо. Лицо казалось почти высушенным ветром и временем, но глаза оставались ясными — светло-серыми, цепкими, с тем знанием, от которого хочется либо сразу довериться, либо сразу бежать.

— Где я? — хрипло спросила Лия.

Старуха перевела на неё взгляд.

— Далеко от тех, кто собирался добить тебя в переулке. Этого пока достаточно.

Лия стиснула зубы и снова попыталась приподняться, на этот раз медленнее. Голова кружилась, но уже терпимо. На левом предплечье виднелась свежая перевязь. Бок туго стягивала ткань. Платье на ней было не то, в котором она вышла утром во двор, а чья-то грубая рубаха и тёплая шерстяная накидка.

— Кто меня сюда привёз?

— Я.

— Одна?

Старуха фыркнула.

— Ты выглядишь легче, чем есть.

Лия нахмурилась.

— Я серьёзно.

— А я нет? — старуха подбросила в огонь ветку. — Тебя выбросили почти за стены, как ненужную добычу, которую решили добить позже. Повезло, что я шла по нижней тропе и услышала, как ты захлебнулась кровью. Ещё четверть часа — и у нас был бы совсем другой разговор.

Лия замерла.

В памяти тут же вспыхнул узкий проход, тёмные фигуры, лезвие, чужой злой шёпот. Она не должна вспомнить, кто она.

По спине прошёл холод.

— Они... — Лия сглотнула. — Они ушли?

— Когда слышали волков на западной стене — да. Побоялись, что пойдут сюда искать.

Труссы всегда храбры только до тех пор, пока уверены в своей безнаказанности.

Лия провела сухим языком по губам.

— Вода.

Старуха молча поднялась, налила из кувшина в деревянную чашу и подала ей. Руки Лии дрожали, когда она брала чашу, и старая женщина это заметила, но ничего не сказала. Только смотрела, как Лия пьёт, будто взвешивала не её раны, а её способность не распасться под ними.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила Лия, опуская чашу.

Старуха не ответила сразу.

Подошла ближе. Села на край деревянного сундука у лежанки. И только тогда произнесла:

— Потому что обещала однажды женщине с такими же глазами, что если судьба приведёт её дочь ко мне, я не отдам девочку на растерзание волкам.

У Лии перехватило дыхание.

— Моей... матери?

Старуха кивнула.

— Твоя мать звали Иара.

Имя ударило так неожиданно, что Лия не сразу поняла, что именно чувствует — боль или голод. Настоящий, животный голод по тому, чего у неё почти не было всю жизнь.

Имя матери в её памяти всегда звучало приглушённо. Как запрет. Как обрывок старой песни, которую никто не хотел допевать. Ей рассказывали о родителях скупое, неохотно, будто любое слово о прошлом могло разбудить что-то нежелательное. Остались только редкие детали: серебряная брошь, запах полыни на плаще, смех, который Лия едва ли помнила сама, и глаза — большие, светлые, печальные на портрете, давно убранном с глаз.

— Ты знала её? — спросила Лия.

— Лучше, чем стоило бы, если хотела жить спокойно.

Старуха наклонилась, вглядываясь в её лицо.

— Как давно у тебя появилась метка?

Лия напряглась мгновенно.

— Откуда ты...

— От меня не пахнет глупостью, девочка. Я снимала с тебя кровь и порванное платье. Я видела знак.

У Лии дрогнули пальцы на чаше.

— Он почти исчез.

— На коже — да. Не в крови.

Старуха откинулась чуть назад, и в серых глазах мелькнуло что-то, похожее не на удивление даже — на тяжёлое подтверждение давно ожидаемой беды.

— Покажи.

Лия не шелохнулась.

— Нет.

— Тогда слушай меня очень внимательно. Если бы я хотела тебя продать, выдать или отнести в крепость на поводке, я бы уже сделала это, пока ты была без сознания. Но ты всё ещё здесь. Значит, упрямство сейчас — роскошь, которую ты не можешь себе позволить.

Лия смотрела на неё несколько долгих секунд.

Слова старухи были жёсткими. И всё же в них не было той сладкой лжи, которой её так часто кормили под видом заботы. Только правда. Шершавая. Неприятная. Но честная.

Медленно, морщась от боли, Лия отодвинула край рубахи у основания шеи.

Серебряный узор был уже не таким ярким, как ночью, но всё ещё угадывался под кожей — тонкий лунный серп с ветвящимися линиями, будто кто-то спрятал у неё под ключицей кусочек ночного света.

Старуха выдохнула сквозь зубы.

— Поздно, — сказала она едва слышно. — Слишком поздно.

— Для чего?

— Для спокойной жизни. Для безвестности. Для роли, в которую тебя так старательно загоняли.

Лия резко опустила ткань.

— Говори прямо.

Старая женщина посмотрела в огонь.

— Ты не Лия из обедневшего рода, которую можно выгодно выдать и забыть. Точнее, не только она. Ты — кровь лунного дома.

Тишина в маленькой хижине стала плотной, почти вещественной.

Лия не сразу поняла смысл услышанного. Слова были простыми, но за ними стояло нечто настолько огромное, что разум отказался впускать это сразу.

— Какого ещё лунного дома?

Старуха подняла взгляд.

— Того, чьё имя запрещали произносить открыто после резни у Серебряной расселины. Того, чья кровь когда-то удерживала равновесие между стаями. Того, кого истребили почти подчистую, чтобы никто больше не имел права заявить на древний закон сильнее обычной власти Альф.

Лия почувствовала, как холодеет спина.

— Это сказки.

— Нет, девочка. Это то, что выдают за сказки, когда правда слишком опасна.

Старуха поднялась и подошла к узкому шкафу у стены. Долго рылась в нижнем ящике, потом вынула нечто маленькое, завернутое в потемневшую ткань. Вернувшись, молча развернула узел на ладони.

На её коже лежал серебряный медальон — потускневший, старый, с выгравированным серпом луны и узором, поразительно похожим на тот, что вспыхнул у Лии под ключицей.

У Лии оборвалось дыхание.

— Я видела это раньше.

— Где?

— У себя. В детстве. Мне не давали его носить. Говорили, это безделушка матери. Потом он исчез.

— Потому что безделушки не прячут так, чтобы ребёнок не вспомнил дорогу к шкатулке. — Старуха сжала медальон в пальцах. — Твоя мать пришла ко мне за три ночи до своей смерти. Уже знала, что за ней идут. Уже понимала, что дом пал не случайно и выживших будут добивать по одному. Она просила только об одном: если девочка останется жива — помочь ей исчезнуть, пока не пробудится кровь.

Лия вцепилась пальцами в край шерстяного одеяла.

— Ты хочешь сказать, моя мать знала, что меня будут искать?

— Она знала, что однажды тебя найдут по крови. Или по знаку. Или по силе, если та проснётся раньше, чем ты научишься молчать.

— Но я ничего не умею. Во мне нет никакой силы.

Старуха криво усмехнулась.

— Девочка, в день своей свадьбы ты вызвала метку истинной пары, которую не видели десятилетиями. На следующее утро тебя отравили прямо во дворе Альфы, а потом попытались резать люди, которым был важен не просто твой конец, а твоя память. И после всего этого ты ещё говоришь, что в тебе ничего нет?

Лия молчала.

Слова одна за другой врезались в неё, как гвозди.

Свадьба.

Кайран.

Метка.

Селена.

Старейшины.

Нападавшие.

Она не должна вспомнить, кто она.

Вдруг всё, что казалось хаосом, начало складываться во что-то куда страшнее. Не в случайную жестокость. В цепь. В охоту.

— Почему мне ничего не сказали? — шёпотом спросила Лия. — Почему все эти годы мне позволяли думать, что я просто обуза? Остаток мёртвого рода?

Старуха смотрела на неё долго, без жалости.

— Потому что это был самый удобный способ тебя удержать живой. Покорная, тихая, незаметная девочка не вызывает интереса. Наследница лунной крови — вызывает. Слишком большой.

— Наследница чего именно?

Старуха провела большим пальцем по краю медальона.

— Когда-то был род, который не правил стаями напрямую, но имел право уравнивать их. Их женщины могли связывать кровь, останавливать внутреннюю резню, открывать и закрывать древние договоры, которые держали земли от большой войны. Их называли по-разному: лунные, серые хранительницы, дочери ночного закона. Кто-то боготворил их. Кто-то боялся. Кто-то жаждал уничтожить, потому что никакой Альфа не любит силу, которую нельзя подчинить до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.